

Юлия Бекенская

УСТРИЦЫ

Черный Архитектор, Кошкино
золото и другие приключения

Юлия Бекенская

**Устрицы. Черный Архитектор,
Кошкино золото и
другие приключения**

«Издательские решения»

2015

Бекенская Ю.

Устрицы. Черный Архитектор, Кошкино золото и другие
приключения / Ю. Бекенская — «Издательские решения», 2015

ISBN 978-5-4474-0497-0

Какие тайны хранит заброшенный архитекторский дом? Куда приведет путешествие на плоту во славу великого Ра? Как намыть целую кепку золотого песка? Что делать, если шторм застал вас на старой барже? Устрицы – это съедобное или несъедобное? Ответы ждут, стоит только выйти из дома!

ISBN 978-5-4474-0497-0

© Бекенская Ю., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Устрицы	6
Пуля	9
Полынья	11
Чёрный архитектор	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Устрицы
Черный Архитектор, Кошкино
золото и другие приключения
Юлия Бекенская

© Юлия Бекенская, 2015

© Андрей Селезнев, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Устрицы

– Уу... уу? – переспросила я.

– Устрицы, – кивнули они мне, – ешь!

Устрицы валялись в углях, покрытые пеплом и совершенно несъедобные с виду.

Их закрытые створки скрывали нечто, от чего д'Артаньян и компания приходили в восторг.

...Началось, как обычно, с Ирки. Она вычитала об устрицах в «Трех мушкетерах». Их ел Атос. Он закатывал глаза от восхищения и запивал лакомство бургундским вином.

Нам было по десять, и мушкетерами мы бредили. Злая судьба поместила наши, жаждущие воинской славы души, в тела девчонок, и свою годность в королевское войско приходилось отстаивать ежечасно.

Мы перечитывали книгу и распевали песни из фильма. Носили шпаги и делали мушкеты, которые стреляли пулями из гнутой проволоки. Алмазные подвески хранились под стеклом в земляном секретике, а тайная переписка королевы – под корнями старого тополя.

Устриц у нас не было.

– У нас на карьере есть устрицы, – заметила Наташа.

– Откуда? – недоверчиво прищурилась Ира, – как ты вообще себе устриц представляешь?

– Они в раковинах, – без запинки ответила та, – их расколупывают и выковыривают то, что внутри.

– Надо попробовать, – решила Ирка, – поехали!

Тогда нам казалось, что умение добыть и приготовить еду – это то, что делает нас взрослее и опытней. Мы не были голодными в поисках пищи. Мы были исследователями. Мы пробовали на вкус и проверяли на прочность. Мы хотели быть такими, как те, о ком знали из книг.

Гек Финн ставил силки. Герои Джека Лондона питались сырой рыбой. Жак-Ив Кусто, исследователь моря, в одной книжке рассказал, как достал из глубины запечатанную амфору, возрастом чуть ли не в тысячу лет. И открыл. И попробовал! Было невкусно.

Но не в этом дело. Исследовать, добывать и проверять на себе – только так можно стать мушкетером. Или бродягой. Или аквалангистом.

У нас будут устрицы.

Мы сели на велосипеды и рванули к карьере. В такой момент кажется, что если сразу не начать действовать, то про твою идею непременно узнают все остальные. И опередят. И за обедом, за роскошным обедом с борщом на первое и жареной картошкой на второе, на десерт непременно подадут устрицы, и будут ухмыляться:

– Хе-хе, разини! Раньше надо было думать! Они бы до зимы собирались! Быстрее надо было соображать, растяпы!..

Мы прикатили на карьер. Купаться в нём запрещалось. Соседка, баба Клава, бывшая медсестра, веско говорила моей бабушке, делая большие глаза:

– Кишечная палочка.

Бабуля пугалась и показывала мне кулак. А потом, под страхом возвращения в город, запрещала даже подходить к антисанитарному водоёму.

Я не огорчалась. Мы любили Неву, а карьер презирали: стоячая вода, слишком тёплая, толпы народу в выходные и грязный песок. Ничего интересного.

Мы вышли на охоту. Я брела по колено в воде. Камыши, нити водорослей и ивы, которые развесили ветки у самого берега, усложняли задачу. По песку были разбросаны обломки раковин, но мы хотели добыть целые, сложенные из двух половинок и с моллюском внутри.

По глади скользили жуки-водомерки, низко носились стрекозы. Меж водорослей недвижно стоял малек щуки, вытянутый, как игла. Одно мое движение, и он стрелой сорвался с места, чтоб тут же замереть на пару метров дальше.

Первую устрицу нашла я. Случайно наступила пяткой и заорала. Внутри тяжёлой раковины явно что-то было.

– Это она? – спросила я у подруг.

– Она, – подтвердила Наташа, ковыряя ногтем панцирь.

Створки не хотели раскрываться.

– Вообще-то, – прищурилась Ира, – мой папа называл эти штуки мидиями.

– А какая разница? – спросила я.

Мы долго смотрели на мидию-устрицу, потом друг на друга.

– Никакой, – подвела черту Ирка. – Это моллюск, и его едят. Ловим дальше!

Я оставила добычу на камне и продолжила поиски.

Д'Артаньян покрыл себя славой. Гек Финн покрыл себя славой. Даже этот, Нат Пинкертон, герой-сыщик из старой книжки, про которого мне рассказывал дед, тоже, по-видимому, покрыл себя славой, раз дед о нём помнит.

Да и сам мой дед! Рассказывал, что в детстве, в подвале одного дома на Лиговке они с друзьями обнаружили настоящие рыцарские латы!

Дедово детство пришлось на довоенные годы. Я не знала, было это или нет. На розыгрыши дед был горазд. Бабушка потом объяснила, что когда он врет, у него подрагивает кончик носа. Эх, знала бы раньше – только б на нос и смотрела!

Так или иначе, у д'Артаньяна была победа над кардиналом, у деда – доспехи, у Ната Пинкертонна – как минимум, один верный поклонник.

А у нас будут устрицы.

Я нашла ещё одну, девчонки добавили к улову три штуки.

– Может, для первого раза достаточно? – осторожно спросила я.

– Пока хватит, – согласилась Наташа.

– Кто первый? – бодро поинтересовалась Ира.

– Мы их что, сырыми будем есть? – идея мне не понравилась.

Атос ел сырыми, – отрезала подруга.

Я понюхала: устрицы пахли илом и рыбой. Тухлой рыбой, если точнее.

– Кишечная палочка, – напомнила я.

– Трусихи, – презрительно бросила Ирка.

Под её руками створки чуть-чуть приоткрылись. В щелочку ничего не было видно. Запах стал сильнее. На Иркином лице появилось сомнение.

– Ладно, – подала голос Наташа. – Давайте костёр разведем. Если кто-то очень голодный, то может свою устрицу слопать сырой. Лично я свою подогрею!

Мы набрали сухих камышей и ивовых веток. Коробок спичек у нас был, и вскоре огонь заплясал. Конечно, было не так сложно, как ночью в тайге и с одной спички. Но всё-таки!

Мидии-устрицы решили запечь, как картошку. Бросили в прогоревшие угли и ждали, когда испекутся.

Чем дольше я наблюдала за приготовлением устриц, тем меньше мне хотелось их есть. Похоже, подруги эти чувства разделяли.

– По-моему, готово, – объявила Ирка. – Ну, кто первый?

– Давайте тянуть жребий, – меня осенило, – если, конечно, нет совсем голодных добровольцев.

– Если ты так хочешь, – протянула Ирка, – давай!

И наломала палочек: две длинных и одну короткую. По-моему, она что-то схимичила. Мне досталась короткая, и девчонки хитро переглянулись. Но делать было нечего: жребий выпал мне.

– Приятного аппетита, – сказали подруги.

– Вы уверены, что это действительно устрицы? – на всякий случай уточнила я.

Они кивнули, не спуская с меня глаз. Я схватилась за раковину и отдернула руку – горячо. Нашла подорожник и подхватила устрицу, как прихваткой.

От жара створки стали хрупкими и трескались под руками. Изнутри выглядывала белесая масса, похожая на раздавленного слизняка. Пахло это ещё хуже, чем выглядело.

– Слабо, – удовлетворенно заключила Ирка.

– Сама не хочешь? – я протянула раковину.

– Будет моя очередь, попробую, – отрезала она. – А сейчас – твоя.

Слово «слабо» для нас тогда было пусковым механизмом множества неприятностей. Мушкетный курок приключений, глупостей и безрассудств. Ира знала, что сказать. После этих слов я должна была попробовать. Я поднесла раковину ко рту, прижала к губам и вскрикнула. Отброшенная мидия упала на землю.

Подруги заорали вместе со мной. Видимо, они и сами сомневались в съедобности блюда и ждали именно такой реакции.

– Не смей больше трогать эту дрянь, – быстро заговорила Наташка. – Я кое-что вспомнила! Атос – он же во Франции, так? У них там море, правильно? А наши мидии – пресноводные. Поэтому кто его знает, съедобны они или нет. Очень может быть, что и несъедобны.

– Что ж ты раньше молчала! – набросилась на неё Ирка.

– Как на вкус? – спросили они.

– Не распробовала, – призналась я.

Сказать по правде, отведать мидию я не успела: обожгла себе губы панцирем и заорала от неожиданности. Но объяснять это подругам мне не пришлось.

Они разбрасывали костёр и поднимали велосипеды. Оказалось, что все уже не прочь окунуться. И мы поехали на Неву, потому что это самое лучшее для купания место, и по дороге девчонки говорили обо всём на свете, кроме того, что только что произошло.

Почему? Потому что Том Соьер победил Индейца Джо, Шерлок Холмс спас мир от профессора Мориарти, Атос обезвредил Миледи. А в разудалую летопись летних каникул, где велся беспечный счёт нашим подвигам, вместе с полётом Ирки с тополя на крышу, вместе с выпавшим из гнезда воронёнком, спасённым Наташей, вместе с походом в дальний лес и грандиозным сплавом вниз по течению, были вписаны теперь и мои устрицы.

Пуля

– Юлька, смотри!

Мне на ладонь лёг кусочек металла. Тяжёлый двухцветный конус, красный у наконечника, а у основания чёрный.

– Подумаешь, пуля, – сказала я.

Мы стояли на берегу. Течение возле Ивановских порогов, в самом узком на Неве месте, было очень сильным. Мы смотрели, как вода бурлит и бьётся о камни.

– Подумаешь, пуля, – противным голосом передразнил Юрик, – это трассирующая пуля! Ты хоть знаешь, что это такое?

Я не знала. Хотя пулями удивить меня было трудно. Во время Великой Отечественной тут, на Ивановском пятачке – маленьком плацдарме, где наши бились за Ленинград, патронов было расстреляно великое множество.

Гильзы, осколки, перекорёженные листы железа раскиданы были по всему берегу: и на песке, и под водой, и на крутых откосах из жёсткой глины. Всё ещё валялись, вращались в землю, хотя с войны прошло уже много лет.

– Трассирующая пуля, – объяснил Юрка, – может лететь и гореть. Подавать сигнал. Поджечь что-нибудь. Это тебе не обычная от винтовки!

Я кивнула, оценив важность находки. Винтовочных гильз у меня была целая куча: ржавые, покрытые коркой от воды и песка, зелёные от окиси и блестящие, выкопанные из глины, в которой они сохранились, как новые. Я прятала их от предков во дворе, в игрушечном ведёрке. Ещё в гильзы можно было свистеть.

– Дарю! – великодушно объявил Юрка, – ты можешь просверлить в ней дырку и носить на шее.

Подарок был царский. Мы побрели вверх по тропинке, глядя под ноги: босыми пятками запросто можно было поймать стекло, или, того хуже, колючую проволоку. Она тоже осталась с войны: в наростах ржавчины, скрученная спиралью или разломанная на куски, валялась по берегу, часто незаметная под водорослями и травой.

Мы шли по течению вверх, чтобы через пару километров зайти в воду и плыть обратно. Это было обычной забавой, и даже бабушки, которые летом отвечали за нас перед родителями, не сильно ругались.

Юрка, ныряльщик и следопыт, рассказывал о своих находках, извлеченных с невского дна. Нырял он бесконечно, до мурашек и синих губ, заглядывал под каждый камень на дне, не сильно заботясь, что одна из найденных им железяк может взорваться. Он вытаскивал добычу и тащил домой. Тайком от родителей устроил на чердаке целый склад: каски, патроны, штыки...

– Если отец узнает – убьёт, – говорил он.

Мы спустились к реке. Всем известная рыбка, корюшка, на самом деле пахнет Невой. Это просто Нева пахнет свежими огурцами.

Плыть по течению интересно. Вроде бы никуда не гребешь, но гаражи для катеров, люди на берегу, деревья, что сползают к воде корнями наружу, проносятся мимо. А для тебя течение совсем не заметно.

Только когда поравняешься с красным бакеном, тем, что с берега казался игрушечным поплавком, успеваешь испугаться: над тобой двухметровый монстр с облупленной краской. А твоя голова едва торчит из воды. Кажется, что бакен со свистом взрезает волну и проносится мимо. На самом деле, он стоит на якоре, а плывешь именно ты.

Вечером я подошла с пулей к деду:

– Дедуль, не подскажешь, как можно просверлить вот тут дырку?

Он оторвался от газеты и долго смотрел на пулю в моих руках. Потом снял очки, взглянул на меня и тихо произнес:

– Выб-ро-сить. Немедленно.

– Почему?! – от удивления голос у меня сорвался, – это же пуля! Она же не может взорваться? Почему?!

Бабушка наблюдала за нами.

– А ты хоть раз видела, – начал дед и замолчал.

Посмотрел на меня, на пулю, хотел что-то сказать, но махнул рукой и закончил твердо:

– Выкинуть. Живо. Ты слышала?

– Да! – я вылетела из дома, хлопнув дверью.

Спиной чувствовала, как он наблюдает за мной из окна. Внутри всё кипело: что за глупости?! Это мне подарили! Мне! Почему я должна выбрасывать?!

Был большой соблазн схитрить и оставить подарок в кулаке, сделав вид, что кидаю. Но это нечестно. Я размахнулась и бросила пулю в траву, стараясь запомнить место падения.

С дедом мы не разговаривали весь вечер.

Утром я вышла во двор, и, как ни в чем не бывало, двинулась к месту, которое заметила ещё вчера. Хотела найти свой подарок.

Что это ты там роешь, Юля? – окликнула меня бабушка.

Засекла. Мне ничего не оставалось делать, как брякнуть:

– Да вот, цветы тут, трава...

– Цветы, травка, – ответила бабушка, – хорошо. Это ты молодец. Иди-ка, прополи мне настурции, очень уж они заросли, – и, усмехнувшись, скрылась на веранде.

За настурциями последовала морковь, потом горох. Ползая по грядкам, я ругала все пули на свете, их дарителей, а также деда и коварную бабулю, которая так ловко воспользовалась моей растерянностью.

Только к вечеру удалось вырваться на свободу. Юра жил через дом, и я увидела его во дворе. Вид он имел невеселый. Руки были испачканы в краске.

– Штрафной батальон, – подвел он итог, выслушав мои новости, – а меня вчера батя засек. На чердак влез, а тут я со своими железками...

– И что? – выдохнула я.

– Выпорол. Выбросил. Выдал краску. Ещё ползабора осталось, – приятель был неразговорчив, – и неделю без Невы! А ты говоришь.

– Засада! – посочувствовала я, – и чего они взбеленились? Не пойму.

– А я вот, ты знаешь, понял, – Юрка сел на траву. – Как батя за ремень взялся, так прямо озарение нашло...

Он помолчал и добавил:

– Дед твой эти самые пули в действии повидал. И сам стоял под ними. А мы с тобой, два крестина, нашли сувениры...

Он поднялся и со вздохом взялся за кисть. А я побрела своей дорогой, туда, где над прохладной рябью Невы за синие леса другого берега катилось закатное рыжее солнце.

Полынья

– Заходим, – деловито сказала Наташка. – Шапки не снимать, холодно.

Мы ввалились внутрь. Промороженный дом встретил неприветливо. Пахло холодным и кислым, стекла раскрасило морозом, от дыхания шёл пар.

Позади была поездка в электричке, пробежка от станции к даче и лихой штурм забора: калитку замело снегом, нам пришлось перелезть и падать в сугроб с той стороны.

– Сперва какао, потом гулять, – предложила Лера.

Мы болтали и уплетали какао с печеньем. Я думала о том, как здорово, что от каникул осталось ещё целых три дня!

Колоть дрова на морозе смешно. Каждая по очереди воевала с поленом, а остальные комментировали:

– Па-аберегись!

– Не попади себе в голову!

– Девочка с топором – это страшная сила!

После такой разминки стало теплее. Мы растопили печь и, не сговариваясь, решили:

– Идём на Неву!

Фонари на улице горели через один. Мы бежали, оскальзываясь на льду. Заснеженный берег был пуст: ни лыжни, ни человеческого следа.

Зимняя река предлагала не меньше развлечений, чем летняя. Можно было скатываться под горку вниз, до самого льда, или прыгать с разбегу в сугробы. Или падать на спину, раскинув руки, как крылья, чтоб отпечатать в снегу силуэт ангела.

Чёрные макушки камней, вмерзших в лед, чётко выделялись на белом фоне. Ещё можно прыгать с камня на камень. И...

– А слабо на тот берег сходить? – подала голос Ирка.

Мы знали, что кто-нибудь обязательно предложит и это. И, конечно, мы тут же откажемся: не самоубийцы же мы, в самом деле? В темноте, по льду, местами тонкому, под которым плещут холодные, смертельно опасные невские воды?

– Слабо, – заявили мы дружно на три голоса.

– И тебе слабо тоже, – сурово добавили специально для Ирки.

– Да я так, шучу, – невинно сказала она.

Но удочка была уже заброшена.

– Давайте просто спустимся, и посмотрим, какой там лёд? – предложила Наташа.

Мы скатились по берегу вниз. Было светло от снега и от луны, пронзительно-жёлтой, резко очерченной в морозной дымке.

– Потопаем? Ух ты, как крепко! – мы стали носиться вдоль берега, проверяя льдины на прочность.

– Смотрите, тропинка! – крикнула Лера, – интересно, куда она ведет?

Мы подошли и увидели, что тропка во льду тянется к середине реки и пропадает во тьме.

– Так что же, получается, люди всё-таки туда ходят? – удивилась Наташа.

– Может, они до середины идут, а там – всё?

– А чего тогда утопано?

Мы стояли у берега. Но очень хотелось хоть немного пройти вперед.

Я не выдержала:

– Может, пройдем чуть-чуть, посмотрим?

И мы пошли. Шаг за шагом. Место это мы хорошо знали: летом тут был наш любимый пляж. Метров десять-пятнадцать от берега шла отмель с камнями, а дальше – обрыв, с глубокой и сильным течением.

Тропинка оказалась широкой, а справа и слева от неё на белом льду выросли сугробы, будто кто-то с лопатой ходил и чистил.

– Как думаете, какой толщины лёд под нами? – спросила я.

Никто не ответил.

Незаметно мы отошли от берега. Я оглянулась, и камней на отмели уже не увидела.

Мы были почти на середине.

Справа от нас в нескольких метрах оказалась огромная полынья. Мы увидели, как вода, переливаясь через лед, застыла прозрачным валом и образовала уродливый, как огромный пузырь, ледяной нарост.

– Может, хватит? – спросила Наташа.

– Да, девчонки, давайте-ка поворачивать, – согласилась Лера.

И всё-таки, Ирке важно было сделать последний шаг. Хоть на пару метров пройти дальше, чем все остальные. И она ещё чуть-чуть прошла к тому берегу.

Ну и подумаешь! Я тоже так могу. И я прошла ещё немного. Она посмотрела на меня и опять шагнула. И я тоже.

Шаг. Зачем нам это глупое состязание?

Еще шаг. Это было похоже на гипноз.

Мы услышали позади рассерженные крики девчонок. Полынья плескалась совсем близко. Действительно, хватит. Кто-то должен остановиться. Ладно, раз Ирка хочет быть первой – пожалуйста, решила я и сказала:

– Всё, поворачиваем, – и услышала, как она произнесла ту же фразу.

Мы обе торопливо отошли от страшной, парящей в ночи полыньи.

– А ведь люди-то ходят, – разряжая обстановку, болтала Ирка на обратном пути.

Девчонки не реагировали. Они злились на нас, потому что переволновались.

– Дуры, – не выдержала Наташка. – А если бы вы провалились?

Путь к берегу оказался короче. Когда мы вернулись на отмель, настроение поднялось. Мы носились, перепрыгивая с камня на камень. Теперь можно было скакать, хоть как стадо слонов. Не страшно, глубина тут не больше метра.

Камни обледенели, и удержаться на них стоило больших усилий. Одно неловкое движение – и я полетела вниз, угодив ногами меж двух камней.

– Крак! – хрустнула льдина.

– Бульк, – ледяная вода подтвердила, что на дворе, действительно, январь.

– Чвак! – неодобрительно откликнулись сапоги, хлебая воду.

– Аааа, – заорала я, почувствовав, что ноги ухнули в воду глубже, чем по колено.

На меня налетели девчонки и выдернули из ловушки. Прогулку пришлось завершить. Путь домой в миг обледеневших прорезиненных сапогах напомнил первый выход на лед неопытного фигуриста.

Дома меня завернули в одеяло, брюки повесили сушиться, а сапоги поставили на печь. Потрескивали дрова, горел торшер, руки согревались о кружку с какао. Пахло дымком. Было уютно, и жалко, что скоро уезжать.

– А если бы я дальше пошла, – тихонько спросила Ирка, – ты бы тоже?

Я не стала отвечать, хотя думала о том же. Я сказала:

– Самое интересное, что холодная вода обжигает. У меня, когда провалилась, было ощущение, что в кипяток ноги сунула.

Ирка кивнула.

– Угу. Знаешь. Мы с тобой, действительно, дуры.

Мы смотрели на огонь в печке.

– В следующий раз на тот берег – обязательно! – подмигнула я.

– Это когда? – заинтересовалась Лера.

– Летом! – ответили мы хором и засмеялись.

Пора было собираться. Мы убрали со стола, и вдруг услышали крик Наташи:

– Что за гадость вы тут разлили? Всю печку измазали! Как это теперь убирать?!

Мы выскочили на кухню. Пахло палёной резиной. По плите на пол стекала темная дымящая жидкость, внизу собралась уже приличная лужица.

Источник безобразия стоял на плите.

Это были оплавленные до размера домашних тапочек, сморщенные и ни на что не годные остатки моих сапог.

Чёрный архитектор

– И тут, – Галочка округлила глаза, – я почувствовала, как на мое плечо легла рука Чёрного Спелеолога!..

Это было уже слишком. Саня крикнул. Лёха закатил глаза.

На дачу к Лёхе крымская сестричка приехала только вчера, но друзья уже были сыты по горло. Веснушчатый нос гостыи задирался к небу, и разговоров было только о драгоценном Крыме. Ах, синее море, ох, высокие скалы, ух, мраморные пещеры...

На правах хозяев показали ей окрестности. На канале Галочка морщилась: что за мутная вода, у них в любой луже в сто раз чище. Лес был ей не лес: у них деревья зеленее. Когда гостыя отвергла самое главное море на свете – Ладогу (вода, видите ли, в ней не солёная), терпению парней пришёл конец.

– Лёх, ты извини, но я больше с ней не могу, – прошипел Саня. – Гуляйте без меня.

– Сань, – взмолился друг, – пожалуйста! Бабушка сегодня уезжает в город. Мы с Галькой одни дома. Приходи ко мне ночевать, а? Мне нужна моральная поддержка. Мутит уже от её рассказов!

Друга в беде не бросают. Поэтому вечером Саня сидел на веранде под абажуром, пил чай, смотрел, как бьются о стекла мошки, и вместе с другом слушал бесконечную сагу. Галя рассказывала, как ползала по пещерам в темноте с фонариком, чуть не свалилась в подземную речку и чудом спаслась, едва не угодив в лапы призрака крымских пещер, которого туристы звали Чёрный Спелеолог.

Крыть спелеолога было нечем. Будь они сейчас дома, Саня устроил бы гостые ужасы Петербурга: тяжёлую поступь Медного Всадника белой ночью и стоны императора Павла в Михайловском замке. Летучий голландец на Неве и тень бедной Лизы под окнами Эрмитажа. Он любил книжки по истории города. Но что от них толку сейчас? На все чудеса Галочка фыркнет и скажет: это же в Питере... а здесь, в вашей дыре, что интересного?

Требовалось что-то из ряда вон выходящее. И прямо тут, на даче.

Галочка улыбалась. Лёха глянул на часы и тоскливо вдохнул. И тут Саня вспомнил.

– Есть у нас здесь один дом...

Лёха посмотрел с надеждой.

– Нехороший домик, – продолжил Саня. – Архитекторский. Разные слухи о нём ходят... и с виду странноватый.

Галочка заинтересовалась:

– А что в нём такого?

– Идём на чердак, – Лёха подхватил с полки бинокль.

На чердак вела деревянная лестница без перил. Пахло пылью и травами.

Они столпились у окошка с видом на задворки: грядки, деревья, штабеля досок, спины домов и сараев. Архитекторский дом заметили сразу: все фасады домов были повернуты к улице, и только этот, как избушка бабы-Яги, стоял к улице задом, а к огороду – передом.

– Вот этот дом, – Лёха передал сестре бинокль. – Говорят, архитектор, который его построил, потом сошёл с ума.

Галя смотрела долго. Насмешливая улыбка исчезла.

Дом, действительно, был странноват: словно ребёнок-великан решил построить башню, взял три чёрных кубика и поставил друг на дружку. А они накренились и вот-вот раскатятся по огороду.

Окошек было три: одно большое и круглое, как иллюминатор. Другое – ромбом, в самом в углу кубика. А третье, похожее на форточку, – маленькое и продолговатое. Ни одно окно не светило.

Входная дверь была на втором этаже. К ней вела железная лесенка с плетью дикого винограда на перилах.

Двор зарос бурьяном, а из стены внизу торчали железные прутья. То ли хозяин хотел пристроить что-то ещё, да забыл, то ли дом обиделся на всех и сам ошетинился.

– Знаете, – сказал Лёха, – я совсем не уверен, что архитектор сошёл с ума после того, как построил дом. Очень даже может быть, что и до...

– Или во время, – добавила Галочка. – А вы там были? Внутри?..

– Нет, – ответил Лёха. – Сейчас там никто не живет. Можно попробовать заглянуть в окошко.

Спустя полчаса сообщники, вооруженные фонариком, пробирались к архитекторскому дому. Лёшка сочинял на ходу страшную историю:

– Однажды явились в дом злые дети...

– Почему злые? – спросила Галочка.

– Потому что добрых будет жалко!

– Эй, злые дети, потише, – прошипел Саня. – Соседи услышат!

За зелёным забором хранил свои тайны архитекторский дом. В паре метров от закрытой калитки отыскалась дыра, в которую они пролезли.

Дом встретил угрюмым взглядом чёрных окон. Жёлтая луна подсматривала из облаков. Они шли сквозь бурьян, спотыкаясь о доски и железяки, разбросанные повсюду. Августовское небо, как решето дырками, было утыкано звездами.

– Ну вот, – тонко сказала Галочка. – Вблизи он ещё противней, чем издали. Сейчас обойдём его – и домой, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.